

Александр Житинский

СНЮСЬ

*Часть сборника
Снюсь (сборник)*

Александр Житинский

СНЮСЬ

«Геликон Плюс»

1981

Житинский А. Н.

Снюсь / А. Н. Житинский — «Геликон Плюс», 1981

«Я снюсь. Теперь это стало моим основным занятием. Дело дошло до того, что меня так и называют – Снюсь. Я – Снюсь. Знакомые девушки обращаются ко мне более ласково – Снюсик. Есть в этом что-то пошленькое, сюсюкающее. Какой я им Снюсик? Мне тридцать семь лет...»

© Житинский А. Н., 1981

© Геликон Плюс, 1981

Снюсь

Я снюсь. Теперь это стало моим основным занятием. Дело дошло до того, что меня так и называют – Снюсь. Я – Снюсь.

Знакомые девушки обращаются ко мне более ласково – Снюсик. Есть в этом что-то пошленькое, сюсюкающее. Какой я им Снюсик? Мне тридцать семь лет.

– Снюсик, сыграйте мне что-нибудь на скрипке в ночь на понедельник!

И я играю.

Началось это несколько лет назад. Мой приятель Эдик М. однажды сказал, что я ему приснился. Я воспринял это известие без особого энтузиазма. Хотелось бы присниться кому-нибудь другому, а не Эдику. Не знаю, о чем с ним разговаривать, – даже во сне.

Однако он сообщил, что мы с ним ездили на автомобиле, причем вел я. Мы приехали на какую-то площадку. Там я стал носиться на машине взад и вперед, а потом мы рвали и выбрасывали с балкона туалетную бумагу. Эдик сказал, что, уходя, я занял у него три рубля, чтобы купить новую порцию бумаги. Все это меня не обрадовало. Засыпая в тот день, я подумал, что неплохо было бы отдать Эдику три рубля. Не люблю быть должником – ни наяву, ни во сне.

Утром ко мне позвонил все тот же Эдик и закричал, что я снова ему приснился. Мы скакали на зебрах, а потом я отдал ему три рубля, заимствованные в прошлом сне. Я, мол, так и сказал: помнишь, вчера брал? Эдик излагал это все, захлебываясь. Взволнован был мужик до предела.

– Ну и чего ты хочешь? – спросил я.

– Ты что – не понимаешь?! Это же редчайший случай!

– Ничего подобного, – сказал я. – Я всегда возвращаю долги.

– Идиот! – завопил он.

– Истрать эту трешку с толком, – посоветовал я.

Он повесил трубку.

Случилось так, что как раз в тот деньу меня не было ни копейки. И я даже пожалел, что отдал этому типу три рубля, которые бы мнегодились.

На следующее утро он позвонил снова.

– Слушай, кончай свои фокусы! – хрипло заорал он. – Ты снова ко мне явился. Тебе не надоело?

– Вообще надоело, – сказал я. – А что я делал?

– Выдувал мыльные пузыри величиною с автобус. В форме куба выдувал, сволочь! А потом сказал, что хочешь есть. У тебя не было денег.

– Это правда, – сказал я. – А что же сделал ты?

– Накормил тебя, мерзавца. На трешку...

– Спасибо, – сказал я. – Обед мне понравился.

– Мы ужинали... – добрея, сказал он. – Слушай, не надо больше, ей-ей! А то я буду просыпаться.

«Ну его к Богу! – подумал я. – Зачем он мне нужен? Если уж проводить с кем-нибудь время во сне, то только не с ним». Но, с другой стороны, мне понравилась идея – шляться по ночам в мозгах окружающих, и, засыпая, я уже сознательно наметил очередную жертву. Я решил присниться начальнику нашей лаборатории и сказать ему, чтобы он сменил шляпу. У него исключительно дурацкая шляпа. Я подготовил убедительную речь, в которой сравнивал шляпу с денежным мешком Уолл-стрита и говорил, что профсоюз не простит ему ношение такой шляпы. Для сна это было логично.

Весь следующий день на службе начальник посматривал на меня недружелюбно. Пришел он в кепке. А еще через день он явился в новой шляпе типа «котелок». Тоже глупая шляпа, но все же лучше прежней.

– Как вам моя шляпа? – спросил он наших дам, а сам искоса поглядывал на меня.

Я промолчал, но ночью уже совершенно нагло приснился ему снова и похвалил шляпу.

Всю неделю начальник напевал под нос песни и чуть-чуть приближал к себе. Он намекнул, что в следующем квартале я могу рассчитывать на повышение.

Я понял, что обладаю неким даром. Откуда он взялся, я не размышлял. Как всегда бывает при обнаружении дара, я немного растерялся. Что с ним делать? Но растерянность быстро сменилась упоением, этаким ребячеством, отчасти даже хулиганством. Я стал сниться всем без разбору, торопясь и не вникая в технику. В то время я мало заботился о мастерстве. С нетерпением ожидал я ночи, намечая днем нового клиента и обстоятельства, при которых я хотел бы присниться. В то время я мог регулировать сон близких лишь в самых общих чертах. При этом сам я никаких снов не видел. Мне было интересно на следующее утро узнавать – удалось или нет? Я летал, как пчелка, от цветка к цветку, собирая нектар сновидений.

Я снился школьным приятелям, соседям, сослуживцам и родственникам. Не все осмеливались наутро сказать мне, что я снился, но в их взглядах читался интерес ко мне, любопытство, недоумение и прочее. Особенно часто в ту пору я снился жене, потому что у нее можно было разузнать многие детали. Снясь жене, я оттачивал методику и вырабатывал стиль. Жена говорила, что сны с моим участием отличаются неожиданностями и парадоксами. Я утомлял ее. Она привыкла к более логичным сновидениям.

Иногда, шутки ради, я снился известным киноактерам, хоккеистам и международным комментаторам. Утром я тихо посмеивался про себя, представляя, как они в эти часы изумленно припоминают неизвестного молодого человека, который ночью пил с ними мартини, участвовал совместно в ограблении банка или пробирался сквозь джунгли. К сожалению, сам я пока не мог насладиться этими снами.

В то время мне достаточно было знать человека в лицо, чтобы суметь ему присниться. Позже и этого не требовалось. Несколько раз я проверял, как действует моя способность на незнакомых людей. Я осторожно наводил справки через третьих лиц: не снилось ли чего такого? И почти всегда мой сон возвращался ко мне – правда, с некоторыми искажениями, обусловленными пересказом.

О моем даре знала тогда лишь моя жена. Она приняла его спокойно, как еще один удар судьбы, – не более. Я был разочарован отсутствием энтузиазма с ее стороны. Во всяком случае, она даже не подумала предположить во мне гения человечества. Для нее способность сниться окружающим значила не больше, чем умение вязать носки. Жена оказала мне посильную техническую помощь, добросовестно пересказав ряд снов с моим участием, а потом попросила больше ее не беспокоить.

– Снись кому хочешь, только не мне.

– Почему? – обиделся я.

– Неужели ты думаешь, что способен заменить собою все на свете? – сказала она. – Я достаточно общаюсь с тобою наяву. Учти, что твой бзик – это посягательство на права человека.

Я очень обиделся на слово «бзик». Мне хотелось бы, чтобы она выразилась благороднее. А словам о правах человека я тогда не придавал значения.

Однако сниться ей перестал.

Охотнее всего я в ту пору снился дочери. Поначалу я прибегал к заимствованиям, показывая ей «Алису в стране чудес», например, причем так, чтобы она была Алисой. Сам же был Чеширским котом. Мне нравилось растворяться в воздухе, оставляя вместо себя одну улыбку.

Утром дочка вбегала в нашу комнату и кричала:

– Папа, а ну улыбнись!

Я улыбался.

– Нет, не так, не так! Во сне ты улыбался лучше!

Чужие сюжеты вскоре иссякли, и я стал придумывать свои. А потом, когда дочь немного освоилась с моей манерой, мы придумывали наши ночные приключения вместе, перед сном. Где мы только не побывали!

Эти развлечения были милы, но хотелось чего-то большего.

Некоторое время я снился совершенно бесцельно, не стараясь извлечь из этого никакой пользы для себя и общества. Затем предпринял энергичную попытку путем сна решить расовую проблему в ЮАР, приснившись президенту этой страны. Мне очень не хотелось ему сниться, но дело есть дело. Представляю его легкое потрясение ранним южноафриканским утром! Только потом, когда проблема так и не разрешилась, я понял, что говорил с ним во сне по-русски, как и всегда говорю, по причине незнания других языков.

Неудивительно, что он удивился! Является какой-то обормот без переводчика и начинает трещать по-русски! Однако присниться снова с переводчиком я почему-то не догадался.

Я с сожалением понял, что мой дар не всесилен. Во всяком случае, он не способен сколько-нибудь заметно влиять на международную обстановку.

Извлекать материальную выгоду я стеснялся. А может быть, не знал, как это делается. Оставалась единственная возможность – получать новые жизненные впечатления и общаться. Вскоре я научился контролировать сны моих клиентов. То есть я уже мог сам видеть сон человека, которому снился. Это избавило меня от необходимости расспрашивать его наутро.

Поначалу меня увлекали чисто технические возможности. Я мог, к примеру, присниться начальнику планово-производственного отдела на фоне первобытного племени и участвовать с ним в охоте на мамонта. Тут же я очень ненавязчиво вводил в сон какую-нибудь современную деталь. Будто бы я одновременно программирую охоту на вычислительной машине и предсказываю местонахождение мамонта. Позже мамонт оказывался представителем заказчика и, поверженный в яму, в предсмертных конвульсиях выдавал начальнику ППО справку о финансировании.

Я заметил, что приобретаю репутацию оригинального человека. Несмотря на то, что на службе я являл собою образец благопристойности и чинопочитания, ко мне стали относиться с большим интересом как к товарищу, способному на выверты мышления.

Причем прямо никто не говорил. Я узнавал это по глазам.

С другой стороны, ко мне перестали относиться серьезно. Я это тоже понимал. Невозможно серьезно относиться к человеку, с которым по ночам охотишься на мамонтов, играешь в рулетку или долго и нудно распиливаешь телефон-автомат с целью извлечь из него двухкопеечную монетку.

Некоторые, наиболее догадливые, стали подозревать, что я умею сниться специально. Я не подтверждал их догадок, но и не отказывался. «Может быть», – говорил я, пожимая плечами, и этим приводил их в дополнительное восхищение.

Прошло несколько месяцев, и мне надоело это фиглярство.

Я уже успел присниться всем заслуживающим внимания знакомым женщинам, успел соблазнить их во сне и разочароваться. Господи, какую цветочную пыльцу пускал я им в глаза! Я снился им в альпинистском снаряжении и в старинном дилижансе, со шпагой в руках и гусиным пером поэта, на Северном полюсе и в пампасах. Я придумывал для них роли куртизанок и гетер, наивных простушек и неверных жен. Рассматривая параллельно с ними цветные сны о наших любовных приключениях, я удивлялся собственной предприимчивости и нахальству. Я один был сценаристом, режиссером и главным действующим лицом, им же перепадала скромная участь статисток.

Утром, как правило, мне становилось стыдно.

Внешне моя жизнь текла по-старому: ежедневные присутственные часы, бесконечная пикировка с нашими лабораторными дамами, которые наконец-то полностью уверились в моей потрясающей способности, и сложные отношения с начальством.

Начальники меня любили и побаивались. Любили они меня за то, что я давал им редкую возможность отдохновения в пикантных снах с моим участием. Такого им не снилось никогда. Побоялись же меня потому, что было неизвестно – какой сон я мог выкинуть завтра.

Дамы относились ко мне пренебрежительно. Снился я им редко, во избежание лишних разговоров. Однако они сгорали от любопытства и ежедневно встречали меня восторженно-осуждающим возгласом: «Ну, кому ты приснился сегодня?»

Татьяна, самая острая на язык, и прозвала меня Снюсем. Прозвище всем жутко понравилось. Теперь меня иначе не называли.

– Снюсь, завтра едем на овощную базу.

– Это тебе не снится, там работать надо!

Я впадал в бешенство и в отместку снился им всем сразу после работы на овощебазе. Я тогда начинал осваивать коллективные сны на несколько абонентов. Причем снился в обстановке той же овощебазы. Так сказать, отрабатывал с ними вторую смену, доводя до полного изнеможения. Наутро дамы выглядели усталыми и на время прекращали разговоры о моих проделках.

Впрочем, они втайне гордились мною как достопримечательностью, хотя полагаю, что способность шевелить ушами вызвала бы не меньший восторг.

Иногда ко мне подкатывались с личными просьбами, чтобы я приснился тому или иному мужчине, чаще всего мне неизвестному, но не просто так, а в компании с просителницей. Сон обсуждался детальнейшим образом. Дамы становились ласковыми.

– Снюсик, надо присниться в театре оперы и балета, пожалуйста! Мы будем сидеть в пятом ряду. Желательна «Травиата», Снюсь, что тебе стоит? Я буду в центре, а вы с ним по бокам. Я тебе его покажу, он в нашем институте работает... На мне будет голубое платье, ты видел, я в нем была на Восьмое марта...

– И что же ты будешь говорить? – сонно спрашивал я.

– Я сама скажу! Ах да... Я скажу ему, чтобы он через неделю на институтском вечере пригласил меня танцевать.

– Сложный заказ, – говорил я. – Дорого обойдется.

– Ну, Снюсик, милый!

И я снился указанному лицу в театре оперы и балета. В перерыве мы пили коньяк в буфете, и я рассказывал ему о той, которая...

Я работал добросовестно, хотя плата была чисто символической. Позже, на институтском вечере, я замечал, что сон оказался в руку, и испытывал некоторую гордость. Хоть так я мог быть полезен ближним.

Должен сказать, что самым сложным в упомянутом сне было как раз исполнение «Травиаты», а не сводничество. Я не жалел красок. Обидно, что тираж сна в те времена был весьма ограничен.

Вскоре моими способностями заинтересовались всерьез. Мне посоветовали сходить к психиатру, но обследование ничего не дало. Выяснилось, что я сугубо нормален. Врач был несколько разочарован, да и я тоже. Откровенно говоря, мне хотелось бы иметь хоть какой-нибудь сдвиг, говорящий о моей исключительности. Но все тесты подтвердили мою полную заурядность. Меня просили быстро назвать фрукт, и я говорил: «яблоко»; поэта – и я говорил: «Пушкин»; город – и я говорил: «Москва». Знаю, что многие на моем месте попытались бы схитрить и придумать нечто нетривиальное. Но я старался быть честным.

В завершение сеансов обследования я приснился психиатру в виде полноценного психа. Он совершенно обалдел.

– Видите, ведь получается, получается! – говорил он наутро. – Вы выглядели типичным параноиком. Значит, что-то есть!

– Я просто умею снится.

– Просто! – застонал он, хватаясь за голову.

Убедившись, что я безвреден, мне понемногу стали создавать популярность. Я отнесся к этому легко. Пока мне было интересно. Я летел куда-то, ни о чем не задумываясь, испытывал все новые возможности своего дара.

Меня пригласили выступить по телевидению в программе «Народное творчество». Очевидно, мою способность решили числить по разряду художественной самодеятельности.

Перед выступлением редактор долго говорил со мною. Я должен был ответить перед телекамерой на ряд вопросов: кто я такой? Откуда взялся? – а затем пообещать телезрителям небольшой сон с моим участием.

– А вы сможете присниться всем сразу? – тревожно спросил он.

– Постараюсь, – пообещал я, не слишком задумываясь о дальнейшем.

Он стал в деталях планировать предстоящий сон и умолял меня не делать никаких отступлений. Он настаивал, чтобы я приснился у токарного станка под огромным плакатом.

– Зачем? – спросил я.

– Ну что вам стоит! Суть не в этом. Главное – это продемонстрировать ваше умение.

– Я никогда в жизни не работал на станке, – сказал я.

– Хорошо. Тогда у чертежной доски.

После выступления я приснился телезрителям у чертежной доски в белом халате конструктора. Было немного боязно: впервые я снился такой огромной аудитории. Конечно, я не знал всех в лицо и перед сном просто представил себе наш город с его каналами и проспектами, домами, старыми коммунальными и новыми кооперативными квартирами, в которых спали мои незнакомые сограждане. Я в тот миг любил сограждан. Между прочим, это необходимое условие для того, чтобы сон дошел, но далеко не достаточное.

Единственная вольность, которую я себе позволил, – это рисунок на чертежной доске. Он был живым. Там я тоже показал себя, но одними штрихами, как в мультфильме. Я носился по ватману и строил смешные рожи, оставаясь в то же время рядом с доскою с рейсшиной в руках.

На следующее утро я стал знаменит.

Особенно трудно было ехать на эскалаторе метро. Пока я поднимался или спускался в течение двух-трех минут, стоя неподвижно, как истукан, вся проезжавшая навстречу по другому эскалатору вереница людей пялила на меня глаза и даже орала:

– Вот он! Вот! Смотрите!

– Кто? Где?

– Ну этот... Вчера показывали, помните? Кувыркался на доске.

– Который снился, что ли?..

В лаборатории меня встретили как героя. Все очень интересовались, сколько мне за это заплатили. Заплатили мне восемь рублей. Это был гонорар за телевизионную передачу. Сон мой не оплачивался, потому что таких ставок не было.

Меня стали возить по домам культуры и близлежащим совхозам. Я выступал, рассказывал о том, как я работаю над своими снами, какую предпочитаю тематику и что хотел отобразить в будущих снах. В заключение я обещал собравшимся присниться в ту же ночь. Народ разбежался из залов очень быстро. Все спешили по домам и заваливались спать. Я ехал домой уставший и недовольный собой, пил на ночь пиво и снился зрителям уже без выдумки и удовольствия в обстановке профсоюзного собрания или в очереди за бананами.

Ничего парадоксального в моих снах не осталось.

Собственно, от меня и не требовали парадоксов. Устроители вечеров были довольны моим послушанием.

В те несколько месяцев полупрофессиональной практики я много думал о своем побочном занятии и искал хоть какой-нибудь смысл в умении сниться. Получалось, что ничего, кроме развлечения, я не могу предложить спящим. Это меня не устраивало. Мне хотелось

стать если не властителем дум, то властителем снов. Мне хотелось, чтобы окружающие как-то менялись от моих сновидений, становились лучше, добрее, честнее. Короче говоря, я жаждал общественной полезности.

Я попытался лечить алкоголиков во сне, но успеха это не принесло. Заметного улучшения морального климата не наступало. Более того, разные люди, знакомые и незнакомые, стали считать своим долгом высказаться о моих снах, способностях и перспективах.

Одни советовали уйти в область чистого абсурда, другие, наоборот, настаивали на прагматических целях. Многие говорили об ответственности перед спящими.

Самое главное, что я не мог сам решить – чего я хочу. Я с тоскою вспоминал первые месяцы моих сновидений, чистое и бескорыстное удовольствие от нелепой беготни по ночам, от сюрпризов близким, от их искреннего удивления. Теперь уже никто не удивлялся. Все только требовали.

– Снюсь, ты что-то давно не снился...

– Знаешь, недавно вспоминала твой первый сон. Как хорошо!

– Аллю! Товарищ Снюсь? Очень просит присниться коллектив ватной фабрики.

– Твои сны должны быть оптимистичней!

И даже:

– Снюсь, признайся – ты изоспался!

Я действительно переживал явный кризис и не видел никакого из него выхода. Смутно брезжила мысль, что сниться надо очень выборочно, немногим. Тогда есть возможность получше сконцентрироваться, не расплыться и не гнаться за дешевыми эффектами. Но все равно: получится художественный развлекательный сон. Зачем он мне?

Я оставил поиски и на некоторое время с головой окунулся в служебную деятельность. Этого настойчиво требовали новые обязанности руководителя группы. Лабораторные дамы стали забывать о моем втором «я».

Как раз в это время в моей группе появилась новая сотрудница, некая Яна, миловидное существо двадцати трех лет с широко распахнутыми глазами. Глаза показались мне глупыми. Яну взяли по протекции, что сразу определило мое к ней отношение. Я не люблю протекций.

Она быстро вписалась в наш дамский коллектив, потому что, не стесняясь, рассказывала о себе, а женщинам только этого нужно. Они любят охотиться за чужими судьбами. Кроме того, Яна была намного моложе большинства, что позволяло остальным учить ее жизни. Одевалась она в разные иностранные тряпки – в «фирму», как принято говорить, и даже удостоилась прозвища «Яна-фирма».

Я вводил Яну в курс обязанностей, слегка посмеиваясь над ее нерасторопностью и способностью запутать любое дело. Со мною она была тише воды и ниже травы. Я приписывал это моей холодности и слабому знанию специальности с ее стороны. Объяснив очередную задачу, я спрашивал:

– Все понятно?

– Да, – быстро говорила она, не глядя на меня.

Меня раздражали ее импортные наряды, золотые украшения и косметика, которой она, надо отдать ей должное, пользовалась очень умело. Я сразу зачислил ее в разряд «золотой молодежи», которая ни черта не умеет и не хочет делать, предпочитая жить за счет родителей. Мать Яны уже долгое время работала за границей, откуда присылала альбомы репродукций. Сотрудницы восхищенно рассматривали их и втайне завидовали Яне. Год назад она успела выскочить замуж, у мужа были деньги и машина. В круглых серых глазах Яны я не видел никаких проблем, за исключением скуки.

Для меня полной неожиданностью было, когда однажды Татьяна шепнула мне:

– Снюсь, ты еще Янке-фирме не снился?

– Вот еще! – сказал я. – Зачем это?

– А она ждет, – сказала Татьяна и многозначительно хихикнула.

– Не дождется! – сказал я.

Оказывается, они успели ей растрезвонить о моих подвигах! Сообщение произвело на Яну большое впечатление. Ее непосредственный начальник был отмечен печатью неординарности!

Несколько дней я ходил гордый, как петух, поглядывая на свою подчиненную свысока. Мне было приятно, что эта молодая и цветущая особа, за которой ходил хвост поклонников, клюнула на удочку моих снов. Как я понял потом, вела она себя абсолютно правильно, ничем не выдавая своих желаний. Она покорно выполняла все мои поручения и ждала, когда зерно, зароненное Татьяной, прорастет.

И оно проросло, черт меня дери!

Однажды вечером, после какого-то очень бестолкового дня и еще более бестолковой ссоры с женой, я лег спать. Сон не шел ко мне, я поднялся с постели и побрел к аптечке за таблеткой. В зеркале на стене прихожей отразилась моя фигура в трусах. Я приблизил лицо к зеркалу и с отвращением взгляделся в себя. Лицо было мятым, опухшим, волосы сбились в клоуша, а тело выглядело белым и бесформенным, как кусок теста. Я увидел, что постарел.

Проглотив таблетку, я снова упал на диван и завернулся в одеяло. В темноте тикал будильник, напоминая одновременно о вечности и печальной необходимости вставать в семь утра. Настроение было мерзейшее. Требовались срочные меры, чтобы его поднять.

«Присниться, присниться... – бормотал я. – Кому угодно, только не лежать здесь, как в могиле. Но кому?»

И тут перед моими глазами, как принято говорить, всплыл образ Яны. «Чушь! – мысленно воскликнул я, сердясь на себя все больше. – Этого только не хватало!» – продолжал я, в то время как предательская мысль уже бежала по окольным тропкам, перебирая варианты сновидений. Пока я боролся с собою, все было кончено. Я вздохнул и погрузился в сон.

То, что последовало далее, иначе как гусарством не назовешь. Конечно, я приснился ей на коне в сопровождении целой дивизии цыган, которые галдели, орали, ударяли по струнам и потряхивали плечами. Яну тоже усадил на коня, нарядив ее в шляпу с плюмажем. Мы наслаждались бешеной скачкой, а потом я для вящего эффекта дрался с двумя кавалергардами, защищая ее честь.

Под утро честь была защищена, цыгане охрипли, я проснулся и отправился на работу.

Я вошел в лабораторию важный, как генерал. На Яну я не посмотрел. Сел за стол и начал переключать бумаги. Затем, будто вспомнив что-то, небрежно сказал:

– Яна, подойдите, пожалуйста.

Она подошла и села рядом. Я начал что-то говорить ей, весьма сухо и не глядя. Наконец я посмотрел на нее.

Я ожидал увидеть растерянность, восторг, преклонение, испуг – все что угодно, только не то, что увидел. Она смотрела на меня с нескрываемым превосходством.

Выслушав меня, она сказала:

– Тебе надо работать над вкусом. Это было дешево, как в оперетке.

Я инстинктивно оглянулся, чтобы проверить, не слышат ли нас дамы. Кажется, слова Яны от них ускользнули. Только тут до меня дошел смысл сказанного и, главное, то, что она обратилась ко мне на «ты».

– Ты так считаешь? – сказал я, стараясь быть ироничным.

Она пожала плечами и отвернулась.

Таким образом, события стали разворачиваться не так, как я предполагал. Несколько ночей подряд я пытался исправить свою ошибку, являясь к ней во сне застегнутым на все пуговицы, при свечах, с философскими разговорами о пространстве и времени. Она стала вести себя подчеркнута равнодушно. Сновидений мы не обсуждали, разговаривали только на дело-

вые темы, и мне стало казаться, что я уже не снюсь ей, что она каким-то образом сумела отгородиться от проникновения в ее сны. Я почувствовал растерянность. Меня стали обуревать сомнения относительно размеров моего дара. Одновременно я все настойчивей программировал себя перед сном, покончил с философией и начал откровенные ухаживания.

Она была, как мрамор, холодна.

– Давно не слышал критики, – сказал я ей наконец. – Ведь я, вообще-то, стараюсь.

– А я, вообще-то, сегодня одна, – сказала она.

– Как одна? – не понял я.

– Дома. Одна. Муж уехал в командировку.

– Ну и... – начал я.

Она состроила страдальческую гримасу и отошла.

К концу рабочего дня я узнал ее адрес путем сложных ухищрений. Вспомнив о том, что я ответственный за гражданскую оборону в нашей лаборатории, я срочно стал составлять список сотрудников на случай возможной эвакуации с указанием состава семьи и домашнего адреса. Последней я внес в список Яну. Она усмехнулась и сказала адрес. Эвакуация была обеспечена.

Вечером я купил букетик гвоздик, торт и бутылку шампанского. Банальность ситуации удручала меня. Все шло, как в стандартном анекдоте на тему «муж уехал в командировку». По пути к Яне я вспоминал известные мне концовки таких анекдотов, и все они начинались словами: «Внезапно возвращается муж...»

Пересекая проспект, я вдруг впервые потерял ориентировку во времени. Мне показалось, что дело происходит в моем собственном сне. На проезжей части лежала замерзшая раздавленная кошка. Гвоздики у меня в руках раскачивались на тонких ножках, кивая кровавыми головками. Длинный, как электричка, автобус заворачивал за угол и вдруг разорвался посередине. Передняя его часть поехала по одной улице, а задняя – по другой. Мне захотелось проснуться.

Я еще не знал, что это был первый симптом поразившей меня болезни.

Я нашел дом, подъезд и поднялся на пятый этаж. Когда я приблизился к нужной мне двери, она тихо отворилась. За дверью стояла Яна в длинном китайском халате. Она прижимала к губам палец. Я на цыпочках последовал за нею по темной прихожей и вошел в комнату.

Комната была маленькая, тесно уставленная мебелью. Телевизор стоял на шкафу. За стеклом серванта лежал маленький коричневый крокодил. Он смотрел на меня, скаля острые зубки.

– Это чучело, не бойся, – прошептала Яна.

Она дотронулась до ручки телевизора и включила его. Все так же повелевая мне молчать, она дождалась, когда из динамика вырвалась первая фраза: «Нефтяники Татарии рапортовали...» – и прибавила звук.

Нефтяники рапортовали очень громко.

– У меня за стенкой бабка, – сказала Яна и улыбнулась.

– Твоя?

– Нет, соседка. Божий одуванец. Она за мною следит... Ну, садись, садись! И не озирайся так трусливо – никто тебя не съест.

Телевизор гремел со шкафа. Божий одуванец, вероятно, содрогался от громкого звука и невозможности подслушать нашу беседу. Шампанское медленно оседало в бокалах.

Анекдот растянулся до утра.

Засыпая в редкие моменты ночи, я снился жене. Мы удили рыбу в большом спокойном озере на Карельском перешейке. Я заготовил для жены баночку свежих розовых червячков и сам нанизывал их на крючок. Червяки с отвращением уклонялись от встречи с крючком. Я устроил жене необыкновенное рыбацкое счастье. У нее клевало поминутно. Она то и дело вытаскивала из озера толстых окуней, изящную плотву и красноперок с сигнальными огнями плавников.

Мой же поплавок торчал из воды, как стойкий оловянный солдатик. Этим я старался искупить свою вину.

Во сне я успокоился, и сон показался мне явью. Просыпаясь, я не сразу сообразил – где я и что со мною. Ушел я затемно, оставив спящую Яну наедине с крокодилом. Домой пошел пешком через весь город. На улицах были только машины, сгребаящие черный мартовский снег. Грузовики к ним не подъезжали, и машины работали вхолостую, перегоняя снег по транспортеру и снова высыпая его на дорогу.

Когда я пришел, жена жарила на кухне рыбу – толстых окуней, изящных плотвичек и красноперок. Мне снова захотелось проснуться.

Дальше я совсем запутался. Сон и явь переходили друг в друга незаметно, зачастую самым предательским образом. Когда я был с женой, я снился Яне – и наоборот. Причем это происходило уже помимо моей воли.

И во сне, и наяву очень хотелось проснуться.

Однажды – уж не помню, наяву или во сне – мы с Яной попали в какую-то огромную квартиру со старинной мебелью, картинами и коврами. Хозяином квартиры был композитор. Он сидел на крышке рояля и дирижировал обществом. Композитор был одет в красный шелковый халат. Общество состояло из молодых женщин и мужчин неопределенного возраста – по виду юных, но с заметной сединой. Седые мальчики в джинсовых куртках и замшевых пиджаках. Все двигались подчеркнуто красиво и принимали различные позы: поза на диване, поза у рояля, поза с бокалом в руке. В квартире было человек тридцать.

Разумеется, все происходило при свечах.

Это была камерная симфония для дюжины бутылок шампанского и такого же количества коньяка. Композитор поднимал руку и делал посыл по направлению к бару, из которого вылетало несколько бутылок, несомых замшевыми мальчиками. Наполнялись бокалы, женщины, откинувшись на коврах, подносили ко рту сигареты, а композитор, подняв бокал, делал им плавный взмах и выпивал медленно и с достоинством. Это было красиво, но скучновато.

Надо сознаться, что я одевался бедно по причине невысоких заработков и отсутствия интереса к одежде. Нельзя сказать, что мне не нравились красивые вещи. Когда я внезапно оказывался обладателем экзотической рубашки или модного галстука, я испытывая временный прилив вдохновения и, надевая их впервые, тоже любил принимать позы. Боюсь, однако, что позы эти были скорее смешны, чем исполнены изящества, поскольку любая импортная тряпка в сочетании с остальными ширпотребовскими вещами выглядела столь же нелепо, как интурист в колхозной столовой. Общаясь с близкими по материальному и духовному уровню людьми, я не замечал несоответствий, но там, у композитора, впервые ощутил неудобство. Рядом не было никого, чей костюм не являл бы образец моды и элегантности.

На мне же были лишь «фирменные» запонки, подаренные, кстати, Яной от щедрот ее зарубежной мамы. Я незаметно снял их и спрятал в карман. Затем я выбрал угол потемнее и устроился там с бокалом в руке, наблюдая за чуждыми нравами. Яна села рядом, как всегда, ослепительная, посылая в полумрак гостиной лучик скупающей улыбки.

В воздухе, в сигаретном тонком дыму, плавали фамилии и имена известных актеров, режиссеров, художников и литераторов. Поначалу это Броуново движение имен было вялым, но по мере того, как бутылочная симфония набирала темп, оно становилось интенсивнее.

Я понял, что попал в мир близких к искусству людей.

Шепотом я стал спрашивать Яну, кто эти люди. И чем они знамениты. Яна тонко улыбалась, вспыхивая в темноте глазами, как кошка.

– Третьестепенные, – сказала она мне в ухо, делая вид, что целует его. – Первостепенные работают, второстепенные ищут, а эти говорят. Ты – первостепенный.

– Я?!

– Ты, ты, ты... – зашептала она мне в ухо горячим своим дыханием.

В это время композитор, соскользнув с рояля, делал обход гостей. С каждым он чокался и говорил несколько слов с приятной улыбкой.

– Сегодня я работаю в ми-мажоре, – сказал он, чокаясь с Яной.

Он подсел к нам и запахнул полы халата. Я посмотрел на его лицо и увидел, что каждая черточка на нем живет отдельной жизнью. Лицо композитора напоминало оркестр. Губы едва заметно извивались и вибрировали, словно по ним водили смычком; брови вздрагивали, причем левая вздрагивала на каждый такт, а правая – через один; ноздри плавно шевелились, а щеки вспухали и опадали разом, как медные тарелки. Лоб сиял, как геликон.

– Друг мой, – сказал композитор, и верхняя его губа подползла к самому моему носу. – Друг мой, мне рассказывали ваши сны. К сожалению, я совсем не сплю, бессонница... Но в этом жанре... Скажите, вы пользуетесь музыкой?

– Когда как, – сказал я.

– А какой? – живо заинтересовался композитор.

– Предпочитаю Моцарта. Хотя бывает и эстрада.

– Так-так! – воскликнул он. – Я сочиню для вас увертюру.

Лицо его произвело финальный аккорд и потухло. Он вернулся к роялю, приподнял крышку над клавиатурой и принялся стучать мизинцем по черной клавише, недовольно морщась. А к нам подошел молодой человек лет пятидесяти с чуткими глазами. Он заговорил с некоторым превосходством, в котором странным образом присутствовало заискивание.

– На Западе... – говорил он. – Я встречал, есть упоминания... Собственно, ничего нового, вы понимаете... Вы пользовались методикой Сен-Сюэля?

Я непонимающе глядел на него.

– Один ваш сон мне понравился, – сообщил он. – Помните, железная дорога, у которой рельсы расходятся в разные стороны, а поезд постепенно расширяется, а потом раскалывается, как бревно, вдоль?

Мне стало не по себе. Я вспомнил этот ранний сон – претенциозный и неумелый, рассчитанный на дешевый эффект.

– Я вас познакомлю с... – Он назвал фамилию, которую я не запомнил. Кажется, Аронсон...

Яна расцвела, она посматривала по сторонам, еще теснее прижимаясь ко мне, а я осмелел и выдвинулся из тени.

Композитор перестал извлекать ноту. Он повернулся ко мне и сказал:

– Как вам понравилось? Мне кажется, эта увертюра может вам пригодиться.

Я кивнул. Композитор захлопнул крышку и потребовал шампанского. Он предложил тост за меня, пожелав мне творческих успехов, а затем попросил сегодня же присниться собравшимся.

– Так, какой-нибудь пустячок. Что вам заблагорассудится...

Яна сжала мне локоть. Я деревянно поклонился.

Ночью я приснился им в пустыне, утыканной противотанковыми шипами. По пустыне ползли волосатые гусеницы размерами с железнодорожную цистерну. Они напарывались на шипы и истекали нефтью. В озерах нефти барахтались маленькие люди, причем не спасали друг друга, а продолжали драться, даже идя ко дну. Они тяжело шевелились в вязкой жидкости, шлепая друг друга черными масляными ладонями. Композитор и его гости возлежали на гусеницах сверху, как на коврах, и смотрели на эту картину. Мы с Яной тоже были на гусенице. Противная прыгающая нота из черной клавиши стучала в висок, как морзянка.

Через два дня Яна передала мне, что сон произвел впечатление.

Короче говоря, меня заметили. Это не было той простодушной популярностью, которую я стяжал после первых публичных выступлений. На этот раз я был отмечен как небольшое, но оригинальное культурное явление, о котором принято знать хотя бы понаслышке. Я сам видел

в троллейбусе двух бородатых молодых людей, которые обменивались новостями. Один из них только что купил по случаю альбом Босха и демонстрировал его приятелю. Разговаривали они довольно громко – чуть громче, чем необходимо в троллейбусе. Пассажиры косились на глянецовые репродукции. Я тоже выглянул из-за чьей-то спины и увидел непонятную картинку со множеством фигур, рыб и диковинных зверей.

Мелькали слова: Рерих, Филонов, авангардизм. Пассажиры слушали почтительно, но с неприязнью.

– Кстати, Снюсь тоже подражает Босху, вы заметили? – сказал один бородач другому.

– Пожалуй, скорее Брейгелю-старшему, – задумчиво ответил тот.

Откровенно говоря, я слышал о Босхе и Брейгеле-старшем, но и только. Я спрятался за спины, испытывая одновременно гордость и смущение.

Охваченный тщеславием, я стал сниться с претензией на непонятность. Это было легко. Достаточно было перед сном вообразить себя сложной натурой, страдающей и гонимой, тонкой и впечатлительной, а главное – духовно богаче большинства современников. Главное было – разрешить себе все. Сны изобиловали символикой и невнятной мыслью.

Яна в этот период была деятельна. На щеках ее горел непрерывный румянец. Она болтала по телефону с подругами и устраивала мои дела. Меня стали водить по квартирам. В одной из них мне показали красиво переплетенную тетрадку с описанием моих избранных снов. Я был польщен.

Меня познакомили с Аронсоном, и он сказал мне, что при желании я мог бы «прозвучать там».

– Где? – спросил я.

Он пожал плечами и хитро улыбнулся.

– Вы не пробовали сниться за границу? – спросил он после паузы.

– Пробовал, – сказал я, вспомнив свой неудачный визит к президенту ЮАР.

Он оживился, стал расспрашивать, советовал подумать...

Я не стал больше сниться за границу из-за разницы поясного времени. Для этого мне пришлось бы спать на службе. Кроме того, я смутно сознавал, что вряд ли нужен кому-нибудь за границей.

Впрочем, и здесь я был нужен не больше, чем жевательная резинка. Молодые бородачи, тщательно пережевывавшие мои сны, интересовались только сюрреалистическими подробностями. Стоило мне присниться попроще, как я замечал некоторое охлаждение к моей фигуре, скептические взгляды и вздохи. Я не понимал, зачем молодым людям нужны мои сны. У них и так было много тем для разговоров.

Мои отношения с Яной все более запутывались. Она была в курсе всех снов, не отходила от меня ни на шаг и всячески содействовала успеху. Как-то незаметно она ушла от мужа, будто кошелек потеряла. Я снял ей комнату, и моя жизнь стала даже не двойной, а тройной. Ночью я тщательно снился, а днем разрывался между двумя домами.

Жена была, как мрамор, холодна.

Ночью я жил, ночью я был свободен. Во сне я был чистым и честным, добрым и справедливым. Во сне я был доверчивым. Клянусь, что это мои истинные качества. Куда они исчезали днем?

Я просыпался и начинал обманывать. Сначала я довольно легко обманывал себя, убеждая в собственной исключительности, в наличии у меня волшебного дара, который дает мне право на некоторые вольности. Затем я обманывал жену, уверяя, что люблю ее по-прежнему. Далее шел черед Яны. Ее я обманывал уже без всяких угрызений совести, просто из соображений симметрии картины. Я обманывал начальников и сослуживцев, делая вид, что служба приносит мне моральное удовлетворение. Я обманывал, наконец, абонентов своих сновидений, обещая им ночью больше, чем мог дать.

Справедливости ради следует сказать, что меня тоже обманывали.

Однажды меня пригласил известный литератор. Он был желт и стар. Литература выжала его, как лимон. Литератор случайно подключился к одному из моих снов, и он поразился его прихотливой композиции.

– Какие у вас отношения со временем? – спросил он.

– В смысле – с эпохой? – уточнил я.

– Нет-нет! – испугался он. – В смысле философской категории.

– Обыкновенные, – сказал я, чувствуя, что опять слегка вру.

– Не может быть, – покачал он головой. – Неужели у вас нет страха перед потоком времени? А ощущения, что вы находитесь в нескольких срезах времени? Вы подумайте.

Я забыл сказать, что литератор этот был фантаст, поэтому он так запросто ориентировался в срезах.

Я подумал, но ничем его не обрадовал. Я сказал, что меня уже обследовали, но психопатологии не обнаружили.

– Значит, вы это все придумали... – с сожалением протянул он.

Он полагал, что можно что-то придумать. Ничего нельзя придумать, сколько ни старайся! Либо это есть, либо его нет. Можно только вытащить из души. Но тогда я этого еще не знал и тоже полагал, что придумываю свои сны, забавляясь.

Между прочим, фантаст будто накаркал. Через неделю мне исполнилось тридцать пять лет. День рождения для меня – грустный день. Я подвожу итоги, и они, как правило, неутешительны. В тот день я должен был посетить консерваторию, чтобы прослушать новую симфонию композитора, который сочинил для меня увертюру. Мы с Яной договорились встретиться у входа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.